ТРУФАНОВ С.Н.

Курс видеолекций: "Классическая философия"

Часть II

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Лекция №16 (дополнительная)

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ЛОГИКИ

Добрый день. Сегодня я прочту 16-ю лекцию, которая называется "Отрицательное направление аристотелевской логики". Эта третья дополнительная лекция к нашему основному курсу "Система классической философии". Эти дополнительные лекции понадобились нам для того, чтобы мы могли разобраться с логикой Аристотеля и уйти от иллюзии, что существует ещё какой-то иной, отличный от описанного Гегелем, разум.

В двух предыдущих лекциях (14-й и 15-й) мы говорили, что положительным направлением аристотелевской логики мы называем то, в котором исследуется естественная познавательная деятельность нашего мышления, его собственные познавательные инструменты. А отрицательным направлением этой логики называем то, в котором исследуется оторванная от реального процесса познания и, соответственно, "свободная" от каких-либо ограничений со стороны окружающего мира деятельность мышления. Иначе говоря, в положительном направлении **описывается** естественная познавательная деятельность нашего мышления, а в отрицательном направлении разрабатываются искусственные **предписания** (схемы и правила) для него.

В прошлой лекции мы также говорили о том, что оба эти направления обязаны своим *историческим* происхождением Аристотелю, его "Первой аналитике". А сегодняшнюю лекцию мы начнём с выяснения *логического* происхождения *отрицательного* направления аристотелевской логики. Мы определим то место в процедуре реальной познавательной деятельности нашего мышления, в котором это отрицательное направление отделяется от положительного и уходит в сторону от него.

1. ЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ЛОГИКИ

Возникает отрицательное направление, как мы уже сказали, в ходе реальной познавательной деятельности нашего мышления, которая, в свою очередь, состоит из трёх этапов.

На первом этапе мышление соотносит воспринимаемый нами предмет с той общностью, которую он образует вместе с другими такими же предметами.

На втором этапе мышление *распределя*ет составляющие эту общность предметы по тем реальным системам, которым они действительно принадлежат.

На третьем этапе оно познаёт уже сами эти реальные системы и определяет те роли, которые играют в них интересующие нас предметы.

В ходе этого мышление применяет три группы умозаключений. На первом этапе оно использует умозаключения *наличного бытия* (качества). На втором этапе – умозаключения *существования* (рефлексии). На третьем этапе – умозаключения *действительности* (необходимости).

Если придерживаться такой последовательности, то интересующее нас отрицательное направление возникает в *точке* перехода познавательной деятельности мышления с *первого* этапа на *второй*.

На первом этапе, как мы уже сказали, мышление с помощью умозаключения наличного

бытия соотносит познаваемый нами предмет с той общностью, которую он образует вместе с другими такими же предметами. Например: "Роман является студентом. → Студенты обучаются в вузах. → Следовательно, Роман обучается в вузе". Познаваемым предметом в этом примере является *Роман*, искомой общностью – *вузы*, а связующим их общим признаком – *студенты*.

Но мало только построить такое умозаключение, его необходимо проверить ещё на качественное соответствие (совместимость) всех трёх его компонентов (терминов) друг другу. Осуществляется такая проверка, как показал Гегель в "Науке логики", за счёт использования мышлением не одной, а всех трёх фигур умозаключения наличного бытия. Посредством этих фигур каждый их трёх компонентов (терминов, членов) умозаключения последовательно проходит через его середину, благодаря чему наше мыслящее Я убеждается в их качественном соответствии (родстве) друг другу. (Об этом мы говорили в 13-й лекции.)

Вот как выглядит такая проверка на деле. Например: "Роман – студент. → Студенты обучаются в вузах. → Следовательно, Роман обучается в вузах". Само это умозаключение имеет вид **первой** фигуры. Её *меньшим* крайним термином является *Роман*, *большим* крайним термином – *вузы*, а связующим их *средним* термином – *студенты*.

Посредством *второй* фигуры мышление проверяет качественную совместимость (родство, тождество, непротиворечивость) *меньшего* крайнего и *среднего* терминов своего умозаключения. Например: "Студенты обучаются в *вузах*. → Роман обучается в *вузе*. → Следовательно, Роман является студентом". Средним термином в этой фигуре являются *вузы*.

За счёт третьей фигуры мышление проверяет качественную совместимость *большего* крайнего и *среднего* терминов своего умозаключения. Например: "*Роман* обучается в вузе. → *Роман* – студент. → Следовательно, студенты обучаются в вузах". Средним термином в этой фигуре является *Роман*.

И возвращаясь в итоге к первой фигуре, мышление подтверждает свой первоначальный вывод, что оба *крайних* термина его умозаключения качественно совместимы друг с другом: "Роман является *студентом*. → *Студенты* обучаются в вузах. → Следовательно, Роман обучается в *вузе*". Средним термином в этой основной фигуре умозаключения наличного бытия являются *студенты*.

Благодаря применению этих фигур наше мыслящее Я не только убеждается в качественном соответствии (совместимости, родстве, тождестве, непротиворечивости) терминов выстроенного им умозаключения, но и знакомится с самим феноменом своих умозаключений. Оно узнаёт, что помимо суждений, у него имеется ещё и такой познавательный инструмент, как умозаключения.

Узнав об умозаключениях, наше мыслящее Я стремиться далее описать их словами. За счёт такого описания оно делает этот свой инструмент – умозаключение – предметным для самого себя. До этого оно тоже пользовалось умозаключениями, но делало это ещё неосознанно. Теперь же оно знает уже не только то, что оно способно создавать умозаключения, но и то, из чего они состоят и как они устроены, что каждое умозаключение имеет в себе две посылки и вывод, два крайних и один средний термин, связку "есть" и присоединяемую к ней частицу "не".

И далее, располагая уже этим знанием, мышление может позволить себе как бы поиграться со своими умозаключениями. Оно, например, может:

а) разделить умозаключение на его элементы,

б) как-то иначе связать их между собой,

в) добавить к ним какие-то новые элементы,

в) внести в них какое-нибудь новое правило, и т.д.

Собственно, так и получилось у самого Аристотеля, о чём мы говорили в прошлой лекции. Он начал с того, что описал форму наших естественных умозаключений, а потом стал произвольно изменять её и вводить в неё свои правила. В таком же ключе действовали и его последователи.

Вот такая свободная от какой-либо связи с реальным процессом познания "творческая"

деятельность нашего мышления, нацеленная на произвольное преобразование его собственных познавательных инструментов, на выдумывание каких-то новых искусственных схем и правил их применения, стало представлять собой второе – *отрицательное* – направление исследования мышления.

На положительном направлении логика по-прежнему продолжает исследовать естественную познавательную деятельность нашего мышления, в ходе которой оно создаёт знания об окружающих предметах. Завершив первый этап, тот, на котором оно использовало три фигуры умозаключений наличного бытия, мышление переходит далее ко второму этапу, где оно с помощью уже умозаключений рефлексии (дедуктивного, индуктивного и аналогии) распределяет найденные предметы по тем реальным системам, которым они действительно принадлежат. Затем оно восходит на третью ступень, где посредством умозаключений необходимости (категорического, гипотетического, разъединительного) оно познаёт интересующие нас предметы в качестве уже элементов этих реальных систем.

На отрицательном же направлении логика переключается на исследование "свободной" деятельности нашего мышления, которая нацелена уже не на познание внешнего мира, а на придумывание каких-то искусственных схем и правил для его же (мышления) собственной деятельности.

В силу того, что эта деятельность уже никак не связана с реальными предметами, с присущими им качественными различиями, то все производимые на этом направлении схемы и правила мышления имеют там бескачественный характер. Они выстраиваются из пустотелых символов, знаков, чисел.

Главным результатом такого отрицательного направления деятельности мышления стало появление науки **математики**. Иначе говоря, математика имеет своими корнями отрицательное направление науки о мышлении. Её начальной формой была *арифметика,* в которой мышление оперирует *чистыми количествами* – числами. Затем математика приобрела ещё и форму *алгебры,* где мышление оперирует уже *качественно определёнными количествами* – величинами. Но оперирует оно этими качественно определёнными количествами (величинами) лишь в аспекте их *количественных соотношений*. А если бы оно переключилось на исследование их качественных соотношений (их качественного состава), то тогда эта наука была бы уже не математикой, а физикой, химией, геологией и т.д.

Такова *логическая экспозиция* отрицательного направления науки о мышлении. Возникает это направление в точке перехода познавательной деятельности мышления от первого этапа познания ко второму, от умозаключений наличного бытия (качества) к умозаключениям существования (рефлексии). В этой точке мышление отрывается от качественных определений предметов, и становится, соответственно, бескачественным и формальным.

Далее мы переходим к рассмотрению уже самого этого отрицательного направления, каким оно предстаёт перед нами в современных учебниках логики.

2. АРИСТОТЕЛЕВСКИЕ ФИГУРЫ СИЛЛОГИЗМОВ

В прошлой лекции мы говорили, что первым "открытием" на этом отрицательном направлении исследования мышления стали изобретённые самим Аристотелем так называемые фигуры силлогизмов. Вот с них мы и начнём. И для начала вспомним в чём состоит их суть.

В первой главе своей "Первой аналитики" Аристотель описал строение наших естественных умозаключений. Он показал, что обычное умозаключение (силлогизм) состоит из двух посылок и вывода, двух крайних и одного среднего термина, их связок и присоединяемой к ним частицы "не".

Далее Аристотель составил три варианта (три схемы) расстановки терминов в умозаключениях. Во как выглядят эти схемы.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я схема
A → **B** **B** → C ---------- A → C	**B** → A **B** → C ---------- A → C	A → **B** C → **B** ---------- A → C	**B** → A C → **B** ---------- A → C

Четвёртой схемы у него не было, её добавили позднее его последователи.

Для каждой из этих трёх своих схем Аристотель придумал особое правило, в соответствии с которым должны строиться все соответствующие ей (схеме) умозаключения. С учётом этих правил данные схемы стали позиционироваться им уже как имманентно присущие нашему мышлению **фигуры** силлогизмов (умозаключений).

Первая его фигура является *естественной* по своему происхождению, *совершенной* (простой) строению и *универсальной* по своим функциям. С помощью именно первой фигуры наше мышление выстраивает все свои умозаключения и решает все встающие перед ним задачи.

Вторая его фигура имеет искусственное происхождение. Аристотель создал её путём объединения второй схемы расположения терминов с действием мышления по перемещению частицы "не" от среднего термина к крайнему. Согласно правилу этой фигуры одна из её посылок должна быть *утвердительной*, другая – *исключающей*, вывод – *отрицательным*, а само умозаключение *сложными*, состоящими из трёх и более посылок.

Третья фигура Аристотеля также имеет искусственное происхождение. Он создал её путём объединения третьей схемы расположения терминов с действием мышления по избирательному применению содержания среднего термина. Согласно правилу этой фигуры её м***е***ньшая посылка должна быть *положительной*, вывод (заключение) – *частично обоснованным*, а само умозаключение сложным.

Таковы три фигуры силлогизмов, которые Аристотель описал в 4-й, 5-й и 6-й главах "Первой аналитики".

Все те компоненты, из которых он создал свои фигуры являются естественными по своему происхождению. Однако та связь, которой он соединил их во второй и в третьей фигурах, имеет искусственной характер. Искусственной потому, что сами по себе эти компоненты естественным образом никак не связаны между собой. А это значит, что и рассматриваться эти две фигуры (вторая и третья) должны не как естественные для мышления, а как искусственные по отношению к нему. Они не *описывают* наше мышление, а *предписываются* ему.

Вот этими двумя фигурами – второй и третьей – Аристотель, сам того не желая, заложил основы отрицательного направления логики. А далее это направление было подхвачено его последователями, которые донесли его до наших дней.

К этому надо добавить, что учение Аристотеля о фигурах силлогизмов, как, впрочем, и другие его учения, имеют в основном декларативный характер. И это вполне объяснимо, если помнить о том, что он разрабатывал свою науку практически с нуля. В силу этого ему первым делом приходилось описывать все выявляемые им элементы мышления, и только после этого он мог высказывать в отношении них какие-то теоретические положения. Но эти положения носят, как правило, голословный бездоказательный характер, что было вполне естественно для той эпохи, для того уровня развития науки. Слишком ещё она была юна и наивна.

> В мифологии Древней Греции и Рима существовало понятие ***оракула***. Оракулом называли реального человека, в которого якобы вселялся дух какого-то мифологического существа. И далее этот человек начинал вещать уже от имени этого существа. Соответственно,

все изрекаемые им в такие моменты истины имели форму догматов и могли восприниматься только на веру.

Но Аристотель не был оракулом. Ни он самого себя, никто другой таковым его не считали. Следовательно, при формулировании всех своих научных положений, он мог руководствоваться либо своим произволом, т.е. мог говорить всё, что угодно, но в этом случае он не оставил бы ничего путного, и мы бы просто не знали о нём, либо понятием (описанием) того предмета, о котором он рассуждал.

Сообразно этому и нам при обращении к его учению о фигурах силлогизмов следует так же руководствоваться понятием (описанием) того предмета, которому это учение посвящено. Таковым является понятие *умозаключения* (умозаключающей деятельности мышления). Вот опираясь на это понятие (описание), мы сможем найти точки соприкосновения с ходом мысли самого Аристотеля.

Альтернативой такому подходу может быть лишь слепая вера в гений Аристотеля и столь же слепое и некритическое восприятие его идей, что для современной науки уже недопустимо.

3. НОВШЕСТВА, КОТОРЫЕ БЫЛИ ДОБАВЛЕНЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМИ В УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О ФИГУРАХ СИЛЛОГИЗМОВ

К сожалению, у последователей Аристотеля возобладало именно такое некритическое отношение к его логическому наследию. Они приняли его учение об умозаключающей деятельности нашего мышления за несомненную истину, особо не разобравшись в том, что в нём является таковым, а что нет. И далее, опираясь уже на это учение, на его отдельные положения, они разработали и привнесли в него целый ряд своих новшеств. Но поскольку эти новшества создавались ими на некритической основе, то они обрели у них весьма произвольный характер, в том смысле, что мало соответствовали тому, о чём писал сам Аристотель. Вот как высказался по этому поводу Гегель: "Никакой другой философ не пострадал так от совершенно бездумно приписываемых ему воззрений, составляющих прямую противоположность тому, что он действительно говорил".

Кто и зачем разработал эти новшества – это вопрос на данный момент не имеет для нас интереса. Скажем только, что все эти новшества родились ещё в период поздней Античности и Средних веков, и что все они вошли позднее в изданный во Франции в 1662 г. учебник логики А. Арно и П. Николь (учебник логики Пор-рояля).

Этот учебник, как мы уже говорили, сыграл в дальнейшем роль шаблона для всех последующих учебников логики, включая нынешние. Основное содержание современных учебников логики, которое мы воспринимаем, как хорошо продуманный и выверенный их авторами новейший материал, по факту является лишь воспроизведением того архаичного представления о мышлении человека, которое сформировалось ещё в эпоху Античности и Средних веков.

Далее мы рассмотрим эти новшества по порядку. Начнём с тех из них, которые были сделаны в отношении рассмотренных нами в прошлой лекции аристотелевских *фигур силлогизмов*.

1. **ПЕРВОЕ** НОВШЕСТВО. У Аристотеля было только три фигуры (схемы) расположения терминов. Его последователи добавили к ним ещё и **четвёртую**. И сделали они это, как мы уже говорили, вполне обоснованно, поскольку эта четвёртая схема как бы сама просилась в этот ряд, чтобы он приобрёл завершённый вид.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	**B** → A **B** → C --- A → C	A → **B** C → **B** --- A → C	**B** → A C → **B** --- A → C

Базовой в этом ряду является первая фигура (схема) расположения терминов. Три другие являются производными от неё. Вторая фигура появилась благодаря перестановке терминов в первой посылке первой фигуры. Третья фигура – благодаря перестановке терминов во второй посылке первой фигуры. А четвёртая – благодаря перестановке терминов уже в обеих посылках всё той же первой фигуры.

2. **ВТОРОЕ** НОВШЕСТВО. Последователи **изменили** установленный самим Аристотелем **порядок** расположения этих фигур. У Аристотеля они имеют один порядок, а в учебниках логики они приводятся уже совсем в другом. Вот в каком порядке их рассматривал сам Аристотель.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	**B** → A **B** → C --- A → C	A → **B** C → **B** --- A → C	**B** → A C → **B** --- A → C

А вот в каком порядке они приводятся в учебниках логики. Этот порядок имеет уже зеркально противоположную направленность.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
B → A C → **B** --- A → C	A → **B** C → **B** --- A → C	**B** → A **B** → C --- A → C	A → **B** **B** → C --- A → C

В результате первая аристотелевская фигура стоит в учебниках логики последней (четвёртой), вторая занимает место третьей, третья – место второй, а четвёртая, которой у самого Аристотеля вообще не было, занимает место первой.

При этом авторы учебников логики ничего не сообщают нам о том, кто, когда и зачем изменил этот порядок. Это наводит на мысль, что сами эти авторы не читали "Первую аналитику" Аристотеля. К такому же выводу склонялся и Гегель. Цитирую: авторы учебников логики "...слепо приписывают ему [Аристотелю] воззрения, не давая себе труда заглянуть в его собственные произведения, чтобы проверить, действительно ли в них имеется то, что они ему приписывают".

Первым из наших соотечественников, кто обратил внимание на это несоответствие, был автор изданного в 1894 г. первого русского перевода "Первой аналитики" Аристотеля, Николай Николаевич Ланге. Вот что он пишет в примечании к своему переводу: "Порядок терминов у Аристотеля иной, нежели общепринятый и, д***о***лжно прибавить, более

естественный". Т.е., по мнению Н.Н. Ланге, порядок терминов в фигурах самого Аристотеля не только отличается от того порядка, в котором они приводятся в нынешних учебниках логики, но и более соответствует реальному мышлению человека. Позднее и, надо полагать уже с подачи Ланге Н.Н., на это несоответствие обратили внимание Ян Лукасевич, Маковельский А.О., и некоторые другие логики. Но упоминают они об этом лишь как-то вскользь, без какого-либо желания углубляться в эту тему.

3. **ТРЕТЬЕ** НОВШЕСТВО. Последователи изменили смысл тех **правил**, которые Аристотель приписал своим фигурам.

Что касается правил *второй* и *третьей* фигур – а начнём мы именно с них – то формально они были воспроизведены его последователями правильно, согласно тому, как их описывал сам Аристотель. Но вот истолкованы они были ими не вполне верно, не так как их трактовал сам Аристотель. Разберём это подробнее.

а) Правило второй фигуры. Особенностью этой фигуры является то, что её средний термин находится в начале обоих её посылок. Вот как это выглядит на схеме.

B → A
B → C

A → C

Согласно же правилу этой фигуры, которое сформулировали последователи Аристотеля и которое приводится, соответственно, и в учебниках логики, одна из её посылок должна быть *утвердительной*, другая *отрицательной*, и вывод *отрицательный*. Но такой расклад не соответствует тому пониманию, в каком это правило трактовал сам Аристотель.

В формулировке этого правила ключевую роль играют слова "отрицательная посылка". Они могут иметь два значения: а) *просто отрицательной* посылки, и б) *исключающей* посылки.

Разница между просто *отрицательной* и *исключающей* посылками состоит в том, что в первой из них отрицанию подвергается признак предмета (средний термин), а во второй – сам этот предмет (крайний термин). Вот как, например, выглядит умозаключение второй фигуры с **просто отрицательной** посылкой.

"Изучают науки студенты.
Не изучает науки Роман.
Следовательно, Роман не является студентом".

Крайним термином (предметом) в этой второй посылке является *Роман*, а средним термином (признаком предмета) – *изучение наук*.

При таком **просто отрицательном** варианте второй посылки мышлению, чтобы сделать вывод не потребуется никаких дополнительных суждений. А без дополнительных суждение это умозаключение будет простым, состоящим всего из двух посылок.

Однако согласно самому Аристотелю, все умозаключения второй фигуры должны быть *сложными*. А таковыми они будут только тогда, когда их вторая посылка будет иметь не просто отрицательное, а *исключающее* значение, т.е. когда в ней будет отрицаться не признак предмета (не средний термин), а сам предмет (крайний термин). Вот как будет выглядеть умозаключение второй фигуры с **исключающей посылкой**.

"Изучают науки студенты.
Изучает науки **не** Роман.
Следовательно, Роман не является студентом".

При таком исключающем варианте этой посылке мышлению, чтобы сделать вывод, необходимо будет ввести в это умозаключение, как минимум ещё одно дополнительное суждение. Например: "Если науки изучает не Роман, а кто-то другой, то, стало быть, сам *Роман не изучает их*. А раз Роман не изучает науки, а студенты изучают их, то он (Роман) не является студентом". Вот такая более сложная конструкция будет соответствовать правилу Аристотеля, согласно которому все умозаключения второй фигуры должны быть сложными.

Отсюда следует, что правило второй фигуры должно читаться следующим образом: "одна из её посылок – *утвердительная*, другая – *исключающая*, вывод – *отрицательный*, само умозаключение – *сложное*".

б) **Правило третьей** фигуры. Её особенностью является то, что её средний термин располагается в конце обоих посылок. Вот как это выглядит на схеме.

A → **B**
C → **B**

A → C

Согласно же правилу этой фигуры, которое сформулировали последователи Аристотеля, её "*м**е**ньшая* посылка должны быть *утвердительной* (положительной), а вывод *частным*".

Ключевым в этом правиле является слово ***частное***, которое также может иметь два значения. Первое значение касается соотношения объёмов *меньшего крайнего* и *среднего* терминов данного умозаключения. Второе значение касается соотношения объёма среднего термина с самим собой. Здесь имеется в виду то, что средний термин приводится в умозаключении два раза. Сначала – в первой (б***о***льшей) посылке, затем – во второй (м***е***ньшей) посылке. При этом он может выступать в разном объёме своего содержания. В одной посылке – в полном объёме, в другой – в неполном (частичном, урезанном) объёме.

В первом случае, когда слово *частное* касается соотношения объёмов *крайнего* и *среднего* терминов, умозаключение будет выглядеть следующим образом.

"Смертными являются люди.
Сократ является *частью* людей.
Следовательно, Сократ смертен".

*Б**о**льшим* крайним термином в этом умозаключении являются *смертные*, *м**е**ньшим* крайним термином – *Сократ*, а *средним* термином – *люди*. При этом средний термин имеет в обоих посылках одинаковый объём, который выражается словом "люди".

Но при таком употреблении слова *частное* мышлению, чтобы сделать вывод, не потребуется никаких дополнительных суждений. Обе посылки выстраиваемого им умозаключения полностью сочетаются друг с другом, что позволяет ему напрямую сделать необходимый вывод. А это в свою очередь означает, что такое умозаключение будет *простым*, состоящим всего из двух посылок.

Однако согласно опять-таки правилу самого Аристотеля все умозаключения третьей фигуры должны быть только сложными, состоящими из трёх и более посылок. А таковыми, т.е. сложными, они будут только тогда, когда слово *частное* будет характеризовать собой соотношение объёмов среднего термина. В каком объёме он приводится в *одной* посылке, и каком объёме он приводится в *другой* посылке. В одной посылке он может приводиться в полном объёме своего содержания, а во другой посылке – в неполном (частичном, урезанном) объёме своего же содержания. Например:

"Смертными являются *люди*.
Сократ – *мужчина*.
Следовательно, Сократ смертен".

Крайними терминами в этом примере являются *Сократ* и *смертные*, а связующим их средним термином в первой посылке являются *люди,* а во второй – *мужчина*.

Соединяя *Сократа* с понятием *смертных*, мы в первой посылке своего умозаключения приводим средний термин в полном объёме его содержания. Мы говорим "люди". А во второй посылке мы приводим его уже только в частичном (неполном) объёме его содержания. Мы называем Сократа не *человеком* (люди), а лишь *мужчиной*. И далее, не смотря на такой неполный средний термин, мы тем не менее делаем вывод, что "Сократ смертен".

Однако такой вывод в силу неполного среднего термина может быть признать лишь только *частично* обоснованным. А чтобы сделать его полно обоснованным, нашему мышлению потребуется ввести в это умозаключение как минимум ещё одно дополнительное суждение. Зачем? Затем, чтобы приравнять этот *неполный* средний термин м***е***ньшей посылки к *полному* среднему термину б***о***льшей посылки. Вот как это будет выглядеть на нашем примере: "Люди смертны. Сократ – мужчина. Мужчины являются частью людей. Поэтому Сократ смертен". Или другой пример: "Студенты изучают науки. Роман изучает химию. Химия является частью науки как таковой. Значит Роман тоже является студентом".

Вот такая более сложная конструкция, в которую введены дополнительные суждения, будет соответствовать правилу Аристотеля, согласно которому все умозаключения третьей фигуры должны быть сложными.

Отсюда следует, что правило третьей фигуры должно читаться следующим образом: "меньшая посылка – *утвердительная*, вывод – ***частично*** *обоснованный*, само умозаключение – *сложное*".

> В пользу такой трактовки правила третьей фигуры говорит ещё и тот факт, что начиная с 8-й главы "Первой аналитики", Аристотель переключился на рассмотрение модальных суждений. В 6-й главе он описал свою третью фигуру, посредством которой мышление сопоставляет между собой два разных объёма содержания одного и того же среднего термина. В 7-й главе он подвёл итоги всем трём своим фигурам. А в 8-й главе он обратился уже к суждениям модальности, посредством которых наше мышление также сравнивает между собой два варианта знания об одном и том же предмете. Каким мы знаем этот предмет в теории (по понятию, по предыдущему опыту) и каким мы знаем его по факту, каков он есть на данный момент. (Мы говорили об этих суждениях в 12-й лекции.)
>
> К этой же третьей аристотелевской фигуре восходит суть и так называемого закона *достаточного основания*, который ввёл Г. Лейбниц в XVII в. В годы жизни Лейбница начали развиваться науки, которые, в отличие от церковных догматов, требовали для утверждения своих законов (выводов, положений и т.д.) предоставления достаточных оснований.

в) Что касается **четвёртой фигуры**, то её у самого Аристотеля не было. А это значит, что каким могло быть её правило, этого не знает никто. В прошлой лекции я говорил о том, что правило четвёртой фигуры должно *объединять* в себе правила *второй* и *третьей* фигур. Но это была лишь моя версия, поскольку, повторюсь, у самого Аристотеля этой фигуры не было, и какое он мог приписать ей правило, не известно никому.

г) Ну и наконец правило **первой фигуры**, по которому возникает больше всего вопросов. Вот как его сформулировали последователи Аристотеля: "б***о***льшая посылка первой фигуры должна быть *общей*, а м***е***ньшая – *утвердительной*".

Проблема, однако, в том, что в текстах самого Аристотеля такой формулировки нигде нет. На всём протяжении обоих своих аналитик он нигде не упоминает о том, что у умозаключений первой фигуры имеются хоть какие-то ограничения, что их меньшая посылка

должна быть не иначе как утвердительной.

Если мы обратимся к тем трём главам "Первой аналитики", в которых Аристотель описал свои фигуры, то увидим следующее. В первом абзаце каждой из этих глав он излагает схему расстановки терминов рассматриваемой в ней фигуры. А в конце главы, в её последнем абзаце он указывает на те ограничения, которые имеются у этой фигуры. Так обстоит дело и в 4-й главе, в которой он описал первую фигуру, и в 5-й главе, в которой он описал вторую фигуру, и в 6-й главе, в которой он описал третью фигуру.

Что касается непосредственно 4-й главы, то в её начале Аристотель описывает схему первой фигуры. Её крайние термины должны располагаться по краям, а её средний термин, как ему и положено, стоит посередине между ними. Вот как выглядит эта схема первой фигуры в её линейной записи:

$$A \rightarrow \mathbf{B} \rightarrow C$$

"A" и "C" – это крайние термины, а "B" – это средний термин.

А вот как выглядит эта же схема в её столбцовой записи, которой у самого Аристотеля не было.

$$\begin{array}{l} A \rightarrow \mathbf{B} \\ \mathbf{B} \rightarrow C \\ \text{----------} \\ A \rightarrow C \end{array}$$

В последнем абзаце этой же главы Аристотель говорит следующие слова, что "все умозаключения первой фигуры являются совершенными" и что только посредством неё "могут быть доказаны все положения, как утвердительные, так и отрицательные, как общие, так и частные". Ни о каких ограничениях у этой первой фигуры он в данном абзаце не говорит ничего.

Ту же самую оценку первой фигуры мы находим и в 7-й главе "Первой аналитики", в которой Аристотель обосновывает необходимость сведения умозаключений второй и третьей фигур к первой. Там он также говорит о том, что только первая фигура является совершенной (простой) и не зависящей от других фигур, тогда как вторая и третья фигуры являются несовершенными (сложными) и зависящими от первой. Ни о каких её ограничениях он и здесь не говорит ничего.

И далее, на всём протяжении обоих своих аналитик, а это ещё более ста глав текста, Аристотель неоднократно повторяет, что совершенной по строению и универсальной по функциям является только первая фигура. Только она позволяет нашему мышлению решать все встающие перед ним задачи. При этом он нигде не упоминает о том, что у первой фигуры имеются хоть какие-то ограничения.

Особого внимания здесь требует 14-я глава первой книги "Второй аналитики". Объёмом она всего в полстранички, но всё её содержание от первого до последнего слова посвящено первой фигуре. Так вот и в этой главе Аристотель вновь говорит о том, что только первая фигура является совершенной и универсальной, что только она пригодна для научного познания, поскольку позволяет нашему мышлению формулировать все требуемые положения и выстраивать их доказательства. Только первая фигура не зависит от двух других фигур, тогда как эти две фигуры (вторая и третья) зависят от неё. Ни о каких её ограничениях в этой главе речи тоже нет.

Так вот, если мы будем основываться на текстах самого Аристотеля, а других источников у нас нет, то придём к однозначному выводу, что сформулированное его последователями правило первой фигуры, согласно которому её "б***о***льшая посылка должна быть *общей*, а м***е***ньшая *утвердительной*", является надуманным. Оно не соответствует тому пониманию первой фигуры, которое развивал в своих работах сам Аристотель. Он, повторим, рассматривал **первую фигуру**, как *естественную* по происхождению, как *простую*

(совершенную) по строению, как *универсальную* по функциям, и как *базовую* для всей деятельности мышления. Таковым, соответственно, должно быть и её правило.

Здесь возникает вопрос: на основании чего тогда последователи Аристотеля могли придумать своё правило первой фигуры? Имелись ли у них хоть какие-то основания для того, чтобы сформулировать это правило именно так, как они его сформулировали, что "б***о***льшая посылка должна быть общей, а м***е***ньшая – утвердительной"? Попробуем дать ответ и на этот вопрос.

Как мы уже сказали, в начале каждой из трёх глав "Первой аналитики", которые Аристотель посвятил своим фигурам, он описывает схему одной из фигур, а в последнем абзаце показывает её ограничения. Так обстоит дело и в 4-й главе, в начале которой он описал схему первой фигуры, а в последнем абзаце указал её особенности. Ни о каких её ограничениях ни там, ни там нет ни слова.

Но в середине этой главы имеются-таки две фразы, которые при желании можно было бы истолковать в духе того правила, которое сформулировали его последователи. Вот первая фраза: "Если средний термин будет присущ первому крайнему термину, но не будет присущ её последнему крайнему термину, *то умозаключения не получится*". Упростив эту фразу, мы получим следующее положение: "Если первая посылка первой фигуры будет положительной, а вторая отрицательной, то ***умозаключения не получится***".

А вот вторая фраза: "Если б***о***льший крайний термин находится в общей посылке, а м***е***ньший крайний термин в частноотрицательной, то *умозаключения также не получится*". Упростив и её, мы получим аналогичное положение: "Если вторая (частная) посылка будет отрицательной, то ***умозаключения не получится***". Обе эти фразы говорят об одном и том же, что если *вторая посылка* первой фигуры будет *отрицательной*, то умозаключения *не получится*. А получиться оно лишь тогда, когда вторая посылка будет утвердительной.

Здесь, естественно, возникает вопрос: почему не получится?

Чтобы ответить на него нам надо вспомнить, о чём мы говорили в двух предыдущих лекциях. Аристотель рассматривал распознавательную деятельность нашего мышления как двухступенчатый процесс, состоящий из двух последовательных умозаключений. С помощью первого умозаключения, которое Аристотель называет **общим**, мышление подводит воспринимаемый нами предмет под соответствующую ему общность (род), и тем самым определяет его *родовое имя*. А посредством второго умозаключения, которое Аристотель называет **частным**, мышление выделяет из этой общности особенные группы предметов (виды), и тем самым определяет *видовое имя* воспринимаемого предмета.

Например: "Данное растение имеет корень, ствол, ветки и листья. Корень, ствол, ветки и листья присущи деревьям. Следовательно, данное растение является деревом". Таково первое – **общее** – умозаключение, посредством которого мышление соотносит воспринимаемый предмет с его родовым именем. В нашем примере – это *дерево*.

А вот как будет выглядеть второе – **частное** – умозаключение: "Данное дерево имеет белёсый ствол и резные листочки. Белёсый ствол и резные листочки присущи берёзам. Следовательно, данное дерево является берёзой". С помощью этого умозаключения мышление определяет *вид* предмета. В нашем примере – это *берёза*.

В силу такого понимания распознавательной деятельности мышления, Аристотель при описании каждой своей фигуры сначала показывает её на примере *общего* умозаключения, а затем на примере *частного* умозаключения. Отсюда и две выше приведённые нами фразы из 4-й главы. Обе они говорят об одном и том же, только первая относится к *общему* умозаключению, а вторая – к *частному* умозаключению.

Главную роль при этом мы должны отдавать первой фразе, которая касается *общего* умозаключения первой фигуры. Вторая фраза относится уже к её *частному* умозаключению, которое имеет некоторые особенности по сравнению с общим умозаключением. Вот эти-то особенности *частного* умозаключения и нашли своё выражение во второй фразе, что "*б**о**льший* крайний термин должен находиться в *общей* посылке, а *м**е**ньший* крайний термин – в *частной*". Иначе говоря, эти слова относятся не к правилу первой фигуры как таковому, а к особенностям её *частных* умозаключений. А значит этих слов, что "б***о***льшая посылка должна быть *общей*" вообще не должно быть в сформулированном последователями Аристотеля правиле первой фигуры. Им там просто нечего делать. Они не про её правило, они – про другое.

Соответственно, в сформулированном ими правиле первой фигуры, должны

оставаться только слова о том, что её "вторая посылка ***должна быть утвердительной***". Соответственно, и нам теперь надо ответить только на этот более узкий вопрос: почему вторая посылка первой фигуры должна быть *утвердительной*? Почему Аристотель полагал, что, если вторая посылка первой фигуры будет иметь отрицательное значение, то *умозаключения не получится*?

Чтобы найти ответ на этот вопрос нам придётся вспомнить ещё и о правиле *второй* фигуры. Дело в том, что по схеме расположения терминов вторая фигура отличается от первой только свой первой посылкой. Если в первой посылке первой фигуры сначала стоит крайний термин, а за ним средний, то в первой посылке второй фигуры, наоборот, сначала стоит средний термин, а за ним крайний.

Однако ключевую в интересующем нас вопросе играют не первые, а именно вторые посылки этих фигур, в которых термины расположены одинаково.

Вот как выглядят схемы этих фигур.

1-я фигура	2-я фигура
A → **B** **B** → C ---------- A → C	**B** → A **B** → C ---------- A → C

А вот как их можно представить на текстовых примерах.

1-я фигура:

"Студенты **изучают науки**.
Изучает науки Роман.
Следовательно, Роман является студентом".

2-я фигура:

"**Изучают науки** студенты.
Изучает науки Роман.
Следовательно, Роман является студентом".

Так вот, как мы уже сказали, ключевую роль здесь имеют именно вторые посылки этих фигур. Одинаковое расположение их терминов имеет своим продолжением то, что если эти посылки примут отрицательную форму, то обе они будут иметь ***исключающее*** значение. В них будет отрицаться не признак предмета (не средний термин), а сам этот предмет (крайний термин).

Вот как эти исключающие посылки будут выглядеть на примерах.

1-я фигура:

"Студенты **изучают науки**.
Изучает науки не Роман.
Следовательно, Роман не является студентом".

2-я фигура:

"**Изучают науки** студенты.
Изучает науки не Роман.
Следовательно, Роман не является студентом".

Однако, согласно правилам самого Аристотеля, ***исключающими*** могут быть посылки

только у второй фигуры, но никак не у первой. И вот чтобы соблюсти это правило ему пришлось пойти на то, чтобы ввести запрет для второй посылки первой фигуры быть отрицательной. Если она будет всегда оставаться положительной, то она уже никак не станет исключающей.

Почему это было важно для Аристотеля? Потому что, как мы уже говорили, если одна из посылок будет иметь исключающее значение, то такое умозаключение будет **сложным** по своей конструкции. Оно будет состоять не из двух, а из трёх и более посылок.

А вот этого-то Аристотель никак не мог допустить в отношении своей первой фигуры, поскольку он рассматривал её не иначе, как в качестве простой, состоящей только из двух посылок. И вот чтобы сохранить за ней этот статус, он вынужден был запретить её второй посылке быть отрицательной. Отсюда и его фраза: "если вторая посылка будет отрицательной, то умозаключения не получится". А далее уже его последователи переделали эту фразу следующим образом: что вторая (меньшая) посылка первой фигуры "должна быть утвердительной".

К такому парадоксальному решению Аристотеля привела его собственная увлечённость фигуросозидающей деятельностью. Чтобы сохранить свою первую фигуру в качестве простой, ему надо было не допустить, чтобы её вторая посылка имела исключающее значение. А сделать это можно было только путём введения для неё запрета быть отрицательной. Отсюда, видимо и появились в составе 4-й главы "Первой аналитики" две выше приведённые фразы, обе говорящие о об одном и том же, что если вторая посылка будет отрицательной, то "умозаключения не получится".

Здесь, соответственно, возникает вопрос: а как же тогда сделать умозаключение первой фигуры отрицательным? Для этого можно использовать его первую посылку, в отношении которой Аристотель не ввёл никаких ограничений. Эта посылка может быть как положительной, так и отрицательной, а следовательно, и все умозаключение первой фигуры также может быть, как положительным, так и отрицательным.

Получается так, что введённый Аристотелем запрет для второй посылки первой фигуры иметь отрицательное значение, был для него самого своего рода **ситуативной уступкой**, на которую он вынужден был пойти, чтобы исключить для этой посылки возможность стать сложной. Именно ситуативной уступкой, поскольку на всём протяжении обоих своих аналитик он нигде более ни разу не упоминает об этом запрете, как будто его и не было. Он везде говорит только о том, что первая фигура является совершенной по форме и универсальной по функциям.

Более того, в 5-й главе второй книги всё той же "Первой аналитики" Аристотель рассуждает о "Доказательстве по кругу в первой фигуре". И там он рассматривает и тот вариант умозаключения первой фигуры, в котором вторая посылка имеет отрицательное значение. Причём рассматривает его, как вполне естественный и допустимый. А это уже полностью опровергает то правило, которое сформулировали его последователи, что вторая посылка должна быть только утвердительной.

Такова могла быть причина появления в 4-й главе "Первой аналитики" двух вышеприведённых фраз, говорящих о том, что если вторая посылка первой фигуры будет отрицательной, то "умозаключения не получится". И вполне вероятно, что именно эти две фразы и побудили его последователей ввести в сформулированное ими правило слова о том, что вторая посылка первой фигуры должна быть *утвердительной*. Никаких других оснований или зацепок для этого в текстах Аристотеля мне найти не удалось.

Теперь давайте сравним. Всего две малопонятные и не имеющие никакого обоснования фразы из 4-й главы, на основании которых последователи Аристотеля могли сделать вывод, что вторая посылка первой фигуры должна быть утвердительной. И несколько десятков его же чётких, ясных фраз, однозначно говорящих о том, что он рассматривал первую фигуру как *базовую* для нашего мышления, *естественную* по происхождению, *простую* (совершенную) по строению, и *универсальную* по функционалу. Таковым, соответственно, должно быть и правило этой – первой – фигуры.

Вот правила всех трёх аристотелевских фигур силлогизмов в их двух вариантах:

а) какими они были у самого Аристотеля, и

б) какими они стали у его последователей и, соответственно, какими они приводятся в учениках логики.

Первая фигура.
У Аристотеля: ***простая*** по строению и ***универсальная*** по функциям.
У последователей: б***о***льшая посылка *общая*, м***е***ньшая – *утвердительная*.

Вторая фигура.
У Аристотеля: одна посылка *утвердительная*, другая ***исключающая***, вывод *отрицательный*, само умозаключение *сложное*.
У последователей: одна посылка *утвердительная*, другая *отрицательная*, вывод *отрицательный*.

Третья фигура.
У Аристотеля: м***е***ньшая посылка *утвердительная*, вывод ***частично*** *обоснованный*, само умозаключение *сложное*
У последователей: м***е***ньшая посылка *утвердительная*, вывод *частный*.

4. **ЧЕТВЁРТОЕ** НОВШЕСТВО. Поскольку последователи расположили фигуры в противоположном аристотелевскому порядке, то их **правила** стали принадлежать уже совсем другим фигурам. Правило первой фигуры стало правилом четвёртой фигуры, правило второй фигуры – правилом третьей, правило третьей – правилом второй, а никому неизвестное правило четвёртой фигуры, которой у Аристотеля вообще не было, стало по факту правилом его первой фигуры.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
B → A	A → **B**	**B** → A	A → **B**
C → **B**	C → **B**	**B** → C	**B** → C
----------	----------	----------	----------
A → C	A → C	A → C	A → C

В этой таблице я цветом показал тог, как в учениках логики разошлись между собой схемы и правила аристотелевских фигур силлогизмов.

В результате таких расхождений учение Аристотеля о фигурах силлогизмов превратилось в учебниках логики в какую-то **абракадабру**. Приводимые в них схемы и правила этих фигур даются не в той последовательности и не в тех сочетаниях, в каких они описаны у самого Аристотеля. И ни в одном учебнике мы не находим даже намёка на то, что его автор хоть как-то осознаёт эту чудовищную несуразность излагаемого им учения. По сути это означает подлог, причём двойной, и в отношении порядка фигур, и в отношении их правил.

Конечно, авторы учебников логики могут сказать, что они так глубоко не изучали это учение Аристотеля и потому не знают всех его тонкостей. Но, как говорят в таких случаях, незнание законов не освобождает от ответственности. Выше мы уже говорили о том, что на этот ключевой факт несоответствия нынешнего порядка расположения терминов в фигурах силлогизмов тому порядку, который был у самого Аристотеля, обратил внимание ещё в конце XIX века автор первого русского перевода "Первой аналитики" Н.Н. Ланге. Так что времени на то, чтобы разобраться в этом вопросе, было предостаточно.

5. **ПЯТОЕ** НОВШЕСТВО. В учебниках логики все четыре фигуры преподносятся как **простые**, тогда как согласно Аристотелю, простыми, т.е. состоящими всего из двух посылок, могут быть только умозаключения первой фигуры. А умозаключения второй и третьей (четвёртой) фигур могут быть только сложными, состоящими из трёх и более посылок.

Здесь авторам учебников логики надо было всего лишь объяснить разницу между

нарисованными на бумаге схемами расстановки терминов, которые порождают иллюзию, что все четыре фигуры являются простыми, и реальными умозаключениями, которые, согласно правилам Аристотеля, могут быть простыми только у первой фигуры, а у второй и третьей – только сложными.

6. **ШЕСТОЕ** НОВШЕСТВО. В большинстве учебников логики все четыре фигуры позиционируются как **равноценные** по их познавательным возможностям. Но согласно опять-таки самому Аристотелю, универсальной по своему функционалу является только первая фигура. Только она позволяет мышлению выстраивать все необходимые для процесса познания положения и доказательства.

7. **СЕДЬМОЕ** НОВШЕСТВО. В учебниках логики все четыре фигуры преподносятся как **естественные** по своему происхождению, т.е. как присущие нашему мышлению от природы. Но фактически таковой является только первая фигура, тогда как вторая и третья были придуманы Аристотелем.

Сюда же следует добавить ещё один пункт. В 12-й лекции мы уже говорили, что головной мозг человека является самой энергоёмкой частью его тела. При весе менее 2% он потребляет от 20 до 30% вырабатываемых нашим организмом питательных веществ и кислорода. И это в том случае, когда мышление действует посредством привычных для него простых умозаключений. А если ему придётся действовать посредством сложных громоздких умозаключений, выстраиваемых по правилам второй и третьей (четвёртой) фигур, то это в разы увеличит его энергозатраты, а значит и затраты всего организма.

Отсюда вопрос: кому и зачем это нужно? Зачем вместо привычных простых экономных умозаключений, которые позволяют нашему мышлению решать все встающие перед ним задачи, оно должно выстраивать сложные и энергозатратные умозаключения? Ради чего, следовательно, авторы учебников логики навязывают своим читателям такие вычурные громоздкие умозаключения, убеждая их при этом в том, что именно они-то и являются исконными для нашего мышления?

Таковы те новшества, которые последователи Аристотеля привнесли в его учение о фигурах силлогизмов. Кратко повторим.

1. У Аристотеля было **три** фигуры, в учебниках логики их четыре.
2. У Аристотеля был один **порядок** фигур, в учебниках логики они располагаются уже в другом порядке.
3. Из-за изменения порядка фигур, их правила стали принадлежать совсем не тем фигурам, к которым они были приписаны изначально самим Аристотелем.
4. Аристотель вкладывал в правила своих фигур одни смыслы, а в учебниках логики им приданы уже несколько **иные смыслы**.
5. Аристотель полагал, что **простыми** (совершенными) являются только умозаключения первой фигуры, а в учебниках логики таковыми считаются умозаключения всех четырёх фигур.
6. У Аристотеля **универсальной** и самодостаточной была только первая фигура, а в учебниках логики все.
7. У Аристотеля **естественной** была только первая фигуры, в учебниках логики все.

Благодаря таким новшествам учение Аристотеля о фигурах силлогизмов превратилось в сплошную цепь недоразумений. И вот эту цепь недоразумений авторы учебников логики выдают за эталон умозаключающей деятельности нашего мышления.

Вот что написано, например, в одном из широко распространённых учебников логики: "Фигуры и модусы силлогизма правильны постольку, поскольку они отражают реально существующие отношения вещей. Всякое отклонение от них именно потому и становится

неправильным, что оно не отражает действительности. Отсюда вытекает познавательное значение силлогизма, как формы мышления: правильные модусы силлогизма, **являясь отражением реально существующих** отношений, дают нам возможность познать эти реальные отношения". Слова красивые, но не верные. И в следующей лекции мы ещё не раз убедимся в этом.

Как оценивали учение Аристотеля о фигурах силлогизмов И. Кант и В. Гегель?

Здесь возникает вопрос. Почему же на протяжении более двух тысячелетий никто из философов так и не увидел научной несостоятельности этого учения Аристотеля и не подверг его критике? Ответ: видеть-то видели, и более того, даже высказывали своё недовольство им, но вот противопоставить ему долгое время ничего не могли. Мы же говорили ранее, что критика только тогда может стать основательной и конструктивной, когда она будет опираться на более совершенные достижения. А в логике такие достижения стали появляться только со второй половины XVIII в. и были связаны главным образом с именами Иммануила Канта и Вильгельма Гегеля. (Закон достаточного основания Лейбница и индуктивный метод Ф. Бэкона были ещё слабы для такой критики аристотелевской логики.)

В 1762 г., за два десятилетия до выхода "Критики чистого разума", И. Кант опубликовал небольшую статью с красноречивым названием: "Ложное мудрствование по поводу четырёх фигур силлогизмов". Мы говорили о ней в прошлой лекции. Так вот в этой статье Кант довольно подробно разобрал аристотелевское учение о фигурах силлогизмов и показал, что оно является ложным и ненужным для образования. Главные его аргументы были таковы.

1. Только первая аристотелевская фигура является естественной для нашего мышления, тогда как три другие имеют искусственное происхождение. Они существуют лишь в виде нарисованных на бумаге схем.

2. Приданные этим фигурам особые правила не имеют под собой никакой реальной основы. Схемы расстановки терминов в этих фигурах – это одно, а приписанные им правила – это другое. Напрямую они никак не связаны между собой.

3. Совершенной (простой) является только первая фигура. Три другие фигуры могут быть только несовершенными (сложными). Поэтому приравнивать их к первой фигуре, значит заниматься подлогом.

4. Все те правила, которые приписаны этим фигурам, могут быть реализованы посредством только одной первой фигуры. А это значит, что три другие фигуры являются просто лишними.

Вот те основные положения, опираясь на которые Кант признал учение Аристотеля о фигурах научно несостоятельным ("ложным и невозможным"). Далее я просто процитирую некоторые фрагменты из этой статьи, которые я немного отредактировал для благозвучия.

"Простыми (совершенными) могут быть только умозаключения первой фигуры. А умозаключения по трём другим фигурам, с учётом приписанных к ним правил, могут быть только сложными (несовершенными)".

"В основе трёх последних фигур лежит первая фигура. Перестановка терминов в этих фигурах приводит лишь к введению в них дополнительных суждений и, соответственно, к их усложнению. А это в свою очередь означает, что базовое положение данного учения, согласно которому существуют четыре простые фигуры умозаключений, является ложным и невозможным".

"Выводы из трёх последних фигур силлогизмов, могут быть получены только за счёт введения в них дополнительных посылок. Но те же самые выводы, только без введения дополнительных посылок, мы можем получить за счёт только одной первой фигуры".

"Не трудно найти и первопричину такого мудрствования. Тот, кто первым записал посылки силлогизма друг над другом [в виде столбца], стал рассматривать получившуюся схему по аналогии с шахматной доской. А попробовав переставлять в ней средний термин

местами, он заметил, что в этом прослеживается какая-то закономерность и увлёкся ею".

"Но подобное научное творчество является ребячеством, поскольку никакой ясности к пониманию мышления оно не добавляет, а наоборот, только увеличивает степень неясности... Задача же логики состоит в обратном: не запутывать, а распутывать, не излагать что-то в смутной непонятной форме, а прояснять его".

"Если существовало когда-либо совершенно бесполезное занятие, на которое было затрачено столь много времени и сил, то это именно оно – учение о фигурах силлогизмов. Самым лучшим решением в отношении этого учения будет перестать заниматься им вообще, забыть о нём, как о ненужном хламе".

"Наступит время, когда, рассматривая это наследие убогой древности, более цивилизованное поколение будет сожалеть о напрасно затраченных усилиях предков".

"Я слишком польстил бы себе, если бы решил, что эта моя статья, на которую я затратил всего несколько часов, способна ниспровергнуть колосса, голова которого скрывается в тумане древности, а ноги сделаны из глины".

Вот эту последнюю кантовскую фразу про "колосса на глиняных ногах" многие историки философии относят к аристотелевской логике в целом. Но это не так. Она касается только его учения о четырёх фигурах силлогизма. Само же логическое наследие Аристотеля И. Кант высоко ценил (другого-то не было) и многое взял из него в ходе работы над своей трансцендентальной логикой.

И ещё одна цитата: "Мне – пишет Кант – приходиться делать многое из того, что самому не нравится, но что предписывают нам укоренившиеся традиции. По этой причине при чтении своего курса логики я не могу пройти мимо этого учения Аристотеля. Но я стараюсь излагать его как можно короче, чтобы больше времени отдать изложению действительно полезных знаний".

Эта цитата показывает, какими были нравы того времени, и что И. Кант не мог с ними не считаться. По этой причине он вынужден был на протяжении ещё более сорока лет знакомить своих студентов с этим учением Аристотеля о фигурах силлогизмов. Более того, он даже упомянул его и в том учебнике логики, который он издал незадолго до своей смерти в соавторстве со своим учеником Г.Б. Йешем.

Вторым обстоятельным критиком учения Аристотеля о фигурах силлогизмов был Гегель. Но в отличие от Канта, Гегель не стал открыто выступать против этого учения. Он исходил из того, что после выхода его "Науки логики", в которой он описал весь процесс познавательной деятельности нашего мышления, учение о фигурах силлогизмов само собой сойдёт на нет. Собственно, так оно должно произойти.

К этому ещё надо добавить, что именно В. Гегель указал на то, что в составе аристотелевской логики присутствует не только положительное, но и ***отрицательное*** направление исследования мышления.

Также как и Кант, Гегель тоже считал, что аристотелевская логика нуждается в полном преобразовании. Вот что он пишет: "Потребность в преобразовании логики чувствовалась давно. В той форме и с тем содержанием, с каким она подаётся в учебниках, она сделалась предметом презрения. Её ещё тащат за собой больше из-за смутного чувства, что совершенно без логики обойтись нельзя, нежели из убеждения, что она действительно даёт какую-то пользу".

В целях такого полного преобразования аристотелевской логики И. Кант **начал** работу по созданию принципиально новой логики, которую он назвал *трансцендентальной*. А далее эту работу **продолжил** Гегель, который в первой трети XIX в. создал свою "Науку логики". Её названием он давал понять, что всё то, что ранее называли логикой, ещё не являлось наукой как таковой. Вот как деликатно он сформулировал эту мысль: "В формировании той или иной эпохи, как и в формировании отдельного человека, бывает период, когда речь идёт главным образом о приобретении и утверждении принципа в его неразвитой ещё напряжённости. Однако более высокое требование состоит в том, чтобы этот принцип стал наукой".

Таким образом, именно И. Кант и В. Гегель весьма своевременно, когда закладывались

основы современной системы образования и каждая наука обзаводилась своим учебником, проделали необходимую критическую работу в отношении аристотелевской логики и её учения о фигурах силлогизмов, в частности. Оба они пришли к выводу, что это учение является ошибочным ("ложным и невозможным"), а вся аристотелевская логика требует полного преобразования, которое они сами и осуществили.

Но увы большинство позднейших философов проигнорировали эти выводы И. Канта и В. Гегеля и как ни в чём не бывало продолжили и дальше использовать аристотелевское учение о фигурах в своих учебниках. Они отводят ему там важную роль и всячески защищают его от какой-либо критики. Вот что, например, мы находим в статье одного из нынешних приверженцев аристотелевской логики. Имея ввиду неприятие И. Кантом учения Аристотеля о фигурах силлогизмов он пишет: "...к счастью, такое отношение к силлогистике не утвердилось среди логиков, развивающих кантовские идеи" и большинство из них, дескать, продолжило использовать это учение.

Хотелось бы спросить у этого автора: в чём он увидел счастье? В возможности продолжать выдавать средневековое архаичное представление о мышлении, за его современное понимание? Или в том, что на сегодняшний день большинство учебных заведений уже по собственной инициативе освободилось от этого курса логики, как от бесполезного? Те преподавали, которые вели этот предмет, остались, соответственно, без учебной нагрузки, а те несколько кафедр логики, которые готовили таких специалистов, оказались без будущего. В чём счастье-то?

В начале прошлой лекции мы упомянули о том, что в контексте обоих "Аналитик" Аристотеля, слова "умозаключение" и "силлогизм" можно и нужно рассматривать как синонимы. Их выбор зависел от переводчика. В первом русскоязычном переводе Н.Н. Ланге преимущественно используется слово "умозаключение", а во втором переводе – Б.А. Фохта – слово "силлогизм". Но, начиная с И. Канта и В. Гегеля, с их логических произведений, произошло смысловое размежевание этих слов. Слово "умозаключение" закрепилось за положительным направлением логики, в котором исследуется реальная познавательная деятельность нашего мышления и его же реальные познавательные инструменты. А слово "силлогизм" и производное от него слово "силлогистика" закрепились за отрицательным направлением аристотелевской логики, в котором изобретаются искусственные схемы и правила мышления.

Теперь, стало быть, надо уже видеть смысловое различие этих слов и учитывать его.

На этом мы завершаем сегодняшнюю лекцию. Из-за того, что объём материала по этой теме получился большой, мне пришлось разделить его на две части. В сегодняшней лекции мы рассмотрели только первую часть этого материала, а именно то, как последователи Аристотеля "доработали" и "обновили" его учение о фигурах силлогизмов. А в следующей (17-й) лекции мы рассмотрим вторую его часть, где покажем, как эти последователи "доработали" и "обновили" другие положения его общего учения об умозаключающей деятельности нашего мышления. Называться эта лекция будет так же: "Отрицательное направление аристотелевской логики", только с добавлением слова "продолжение".

Благодарю за внимание.

03.11.2026 г.